

ЗАМЕТКИ ПО НУМИЗМАТИКЕ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Литые монеты с буквами ΙΣΤ

• Небольшие литые медные монеты, имеющие на одной стороне изображение колеса с четырьмя спицами и шариком в центре, а на другой буквы ΙΣΤ, были известны еще Т. Мионнене, который отнес их к городу Гистиэ на острове Эвбее¹. Однако уже И. Бларамберг, высказавший предположение, что они должны принадлежать Истрии, поместил эти монеты между ольвийскими². Н. Н. Мурзакевич и И. В. Беккер продолжали считать их истрискими³, но А. Заллет и П. О. Бурачков решительно высказались за их ольвийское происхождение. Поскольку к этому мнению присоединился А. В. Орешников, систематически помещавший их описание среди монет Ольвии⁴, и А. Л. Бертье-Делагард, который попытался отыскать им место среди других категорий ольвийского монетного литья⁵, определение указанных монет как монет города Ольвии стало господствующим и еще в недавнее время было поддержано авторитетом А. Н. Зографа⁶.

Однако аргументация А. Заллета и П. О. Бурачкова в пользу принадлежности серии монет с буквами ΙΣΤ Ольвии является в сущности очень слабой. Заллет указывал на общность техники изготовления с литыми монетами Ольвии и добавил, что наличие большого количества таких монет в коллекции Беккера само по себе является достаточной гарантией ольвийского их происхождения. В соответствии со своим толкованием букв ΑΡΙΧΟ и ΘΥ на литых ольвийских дельфиноподобных знаках (которые Заллет объяснял как названия предметов, на которые обменивались эти знаки, а именно ἄρφιχος — корзина, наполненная рыбой, θύνος — одна рыба), этот ученый полагал, что и на литых монетах с колесом написано название товара, на который они обменивались, а именно ἴστος, т. е. парус⁷.

В противоположность этому Бурачков строил свое доказательство принадлежности данных монет Ольвии именно на том, что буквы ΙΣΤ представляют «сокращение имени сановника», и при том именно того, чье имя «показано хотя и не вполне у Б. Кене на серебряной монете № 110»⁸. Хотя на последней драхме несомненно стоит

¹ T. Mionnent, *Description de médailles antiques etc.*, Supplément, т. IV, Р., 1829, стр. 367, № 115.

² Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia du Cabinet de Blaramberg, Р., 1822, стр. 59, № 180—181, тбл. XVIII, 180—181.

³ N. Murgakewicz, *Descriptio Musei publici Odessani*, ч. I, Odessae, 1841, стр. 24, № 5; *Verzeichniss alt-griechischer und römischer Münzen aus dem Nachlasse P. Веске г.*, В., 1881, стр. 17, № 251—252.

⁴ Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, вып. VII, М., 1887, стр. 5, № 21—22; Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету, М., 1891, стр. 17, № 138—143.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, «Нумизматический сборник», т. I, 1911, стр. 76—77.

⁶ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 122—123, тбл. XXX, 5—6. В качестве курьеза можно заметить, что в одном сравнительно новом каталоге такая монета приписана ... сицилийскому королю Вильгельму (1111—1127 гг.); см. O. Helbing, Nachf., Antike Münzen, Auktion 31 Jan. 1930, München, 1929, стр. 45, № 744 (ср. тбл. 28, 744).

⁷ A. v. Salliet, Die Marken von Olbia, «Zeitschrift für Numismatik», X, 1883, стр. 147, ср. стр. 144—146.

⁸ П. О. Бурачков, Общий каталог монет, Одесса, 1884, стр. 42, № 23.

совсем другое имя ($\Sigma\tauρ\tau\tauων$)¹, но все же количество греческих имен, начинающихся буквами ΙΣΤ, значительно, так что само по себе чтение Бурачкова допустимо, хотя и не отвечает на вопрос, говорит ли оно в пользу именно ольвийского происхождения данных монет?

Мне представляется, что догадки Заллете натянуты, а чтение букв ΙΣΤ как имени ольвийского магистрата, в сущности, мало обосновано. К тому же в Ольвии для III в. до н. э. можно указать лишь Истикона сына Метродора, члена коллегии семи, а в римскую эпоху стратега Гистэя сына Садэя, отсюда можно заключить, что имена на ΙΣΤ никогда, по-видимому, не принадлежали в городе к числу распространенных². Однако именно так истолковывали значение букв и Орешников, и Бертье, и Зограф³, не останавливаясь перед столь необычно ранним появлением имени магистрата на монетах. Б. Пик, правда, не удовлетворился этим объяснением и попытался читать в надписи название географического пункта, но уже не Истрии, а «Гавани истринцев»—³Ιστριανών λιμνών, которую называют Ариан и Аноним неподалеку от Одессы⁴. Однако в силу своей очевидной искусственности мнение Пика не получило поддержки⁵.

Единственным серьезным аргументом в пользу ольвийской принадлежности изучаемых монет можно было бы признать указания на их находки в Ольвии. Там они, действительно, встречаются, но отнюдь не в таком количестве, чтобы можно было говорить о «постоянных» частых находках «только в Ольвии», как утверждают Бертье-Делагард и Орешников⁶. Не говоря уже о том, что подобная монетка была найдена в Тире⁷, следует подчеркнуть, что ведущиеся в последние годы археологами Румынской Народной Республики раскопки в Истрии доставили в распоряжение науки материал, позволяющий окончательно решить вопрос о месте отливки этих монет в пользу Истрии.

В самом деле, в 1949—1952 гг. на территории города Истрии было найдено всего 129 монет, оставляя в стороне клад ранневизантийского времени — 105, в том числе 40 истринских и 35 литых монет с колесом и буквами ΙΣΤ. Это составляет 27% всех монетных находок⁸. Монеты этого типа находят и на периферии Истрии, например, в селении Синое⁹. Между тем в Ольвии в 1935—1936 гг. подобных монет было найдено 4 из общего количества 559 экземпляров (в том числе два «асса» и 33 «дельфина»). т. е. 0,7%¹⁰. О том, что такое соотношение не является случайностью, свидетельствуют и материалы тех лет, когда раскопки доводились до материала: в 1902—1903 гг. встретилась вообще одна такая монета, хоть монет было найдено более сотни, в том числе

¹ Б. В. Кене, Музей кн. В. В. Коцубея, т. I, СПб., 1857, стр. 64, № 110; ср. П. И. Кашиковский, З історії монетної, справи та грошового обігу в Ольвії, «Археологія», т. XI, 1957, тбл., IV, 7.»

² ІОСРЕ, I², 76 и 94.

³ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, I, 1921, стр. 225; Бертье-Делагард, НС, I, стр. 76; Зограф, стр. 124. По Орешникову и Зографу монеты датируются V и даже VI в. до. н. э.

⁴ В. Pick, Die antiken Münzen Nord-Griechenlands, т. I, 1, В., 1898, стр. 180—182, тбл. VIII, 7. А г.: РРЕ, 31; [А г.], РРЕ, 61.

⁵ А. В. Орешников, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, «Нумизматический сборник», III, 1915, стр. 25—26; ср. Зограф, стр. 123.

⁶ Бертье-Делагард, НС, I, стр. 76; Орешников, НС, III, стр. 48.

⁷ Л. Д. Дмитров, Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр., «Археологічні пам'ятники УРСР», V, 1955, стр. 117.

⁸ «Histria, Monografie archeologica», т. I, Bukureşti, 1954, стр. 464—467.

⁹ E. Condurachi, Santierul Histria, SCIV, т. IV, 1953, № 3-4, стр. 143.

¹⁰ А. Н. Зограф, Монеты из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг., «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 211—256.

6 «ассов»¹. Все это заставляет отнести с полным вниманием к мнению румынских нумизматов и археологов, считающих эти монеты не ольвийскими, а истрийскими и относящих их к IV в. до н. э.².

В связи с этим позволительно пересмотреть и вопрос о том, какой номинал представляют эти монеты. Пик различал в их числе три разных номинала, имеющие соответственно диаметр 15, 12 и 9 мм, а вес 2,75, 1,5 и 1 г. Бертье признает это разделение и дает соответственно следующие веса: 2,70, 1,35 и 0,82 г, а сами монеты считает имеющими достоинство в 4,2 и 1 лепту³. Но, по-видимому, перед нами три последовательные стадии падения веса одного и того же номинала. Иначе затруднительно объяснить, каким образом на практике отличали эти чрезвычайно близкие монеты: по данным Пика в среднем разряде монет есть экземпляры, весящие 0,96 г, а в младшем — 1,03 и 0,88 г⁴. Просмотр довольно большой группы этих монет в собрании Одесского музея не позволил нам прийти к окончательному выводу, однако удалось установить, что на монетах самого высшего достоинства буквы ΙΣΤ написаны всегда аккуратно, тогда как на монетах среднего и особенно младшего сорта очень часто вместо тау встречаются начертания I, Τ, Τ. Это обстоятельство позволяет считать, что перед нами действительно деградирующий номинал.

Отнесение серии литых монет к Истрии, встречающее поддержку в наличии чеканной монеты с колесом и буквами ΙΣΤΡΙΗ⁵, представляется не лишенным значения фактом из истории денежного обращения в античном Причерноморье. Ольвийское монетное литье теряет при таком сопоставлении часть своей исключительности, ибо и в соседней Истрии, как видим, изготавливались литые медные монеты. Можно полагать, что их обращение было соответственно подготовлено более ранним обращением стреловидных литых монеток⁶ и дельфинообразных слитков. С другой стороны, известно значительное сходство органов финансового управления обоих городов, причем эта близость нельзя возвести к заимствованию из общей метрополии — Милета⁷. Учитывая, наконец, засвидетельствованные находки ольвийских монет на нижнем Дунае, истрийских — в Поднепровье⁸, а тех и других совместно — на территории Каменского городища и древних святилищ на о. Левке и на Тендровской косе⁹, можно прийти к выводу, что изучение монетного дела двух крупнейших центров северо-западного Понта позволяет предположить более тесные отношения между ними, чем это обычно считают. Быть может, не является случайным и необыкновенное сходство типов оборотных сторон драхм Истрии и некоторых серий ольвийской меди, что, впрочем, требует специального рассмотрения.

¹ Б. В. Фармаковский, Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 231—237.

² «Histria», I, стр. 465; С. Реда, рецензия на книгу А. Н. Зограф, Античные монеты, SCIV, т. IV, 1953, № 3-4, стр. 806—807. Это хронологическое определение представляется нам вполне правильным; так, впрочем, считал и Бертье, тогда как Зограф относил их к VI—V вв. до н.э.

³ Бертье-Делагард, НС, I, стр. 74; В. Рик, ук. соч., стр. 181.

⁴ В. Рик, ук. соч., стр. 182, №№ 531—534.

⁵ В. Рик, ук. соч., стр. 182, № 535; ср. Н. Н. Мурзакевич, Монеты, отысканные на о. Левке, ЗОИД, т. III, 1852, стр. 238, № 4.

⁶ В. М. Скудрова, Монеты-стрелки из Ольвии, «Сообщения Гос. Эрмитажа», IX, 1956, стр. 38—39.

⁷ Т. В. Блаватская, О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии, КСИМК, вып. XXII, 1948, стр. 57—58.

⁸ V. Râvan, Un aes grave olbien à Salsovia, «Dacia», II, 1925, стр. 420—421; несколько лет назад в окрестностях Херсона обнаружен небольшой клад истрийских драхм, разошедшийся, к сожалению, в значительной части по рукам.

⁹ Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, № 36, 1954, стр. 146; А. Н. Зограф, Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье, СА, VII, 1941, стр. 153.

2. О времени выпуска ольвийских монет с изображением речного божества

Среди многочисленных монетных серий Ольвии медные монеты с изображением бородатого речного божества и скифского оружия занимают особое место. Известные уже более двухсот лет назад¹, они почти в каждой крупной коллекции встречаются многими десятками и даже сотнями (например, в собрании Одесского Археологического музея их более четырехсот). Сто лет назад Кене приводил 26 разновидностей этих монет, отличающихся именами или монограммами; Бурачков знал уже 43. В настящее время известно 87 сокращений². В изображении на этих монетах усматривали последовательно Сатира (Келер), Пана (Бларамберг, Уваров, Беккер), Посейдона (Бурачков), Гипаниса (Мурзакевич, Кене, Подшивалов), Борисфена (Гардинер, Гирст, Зограф), или, наконец, просто безымянного речного бога, колеблясь при этом, однако, между Гипанисом и Борисфеном (Заллет, Миннз, Орешников), в дальнейшем обозначаем эти монеты для краткости просто «борисфенами».

Еще П. О. Бурачков отметил значительные колебания веса этих монет (от 12 до 5,5 г) и резкие различия в стиле имеющихся на них изображений (стр. 45). По этим признакам А. Н. Зограф распределяет их на 12 групп. Наиболее ранние монеты имеют вес свыше 10 и даже 11 г, чеканены они аккуратно и на индивидуально отливавшихся кружках, причем имена магистратов даны чаще в виде отдельной буквы или монограммы. Монеты средних групп (вес около 9 г) и особенно монеты самого последнего выпуска чеканены поспешно и небрежно на кружках, которые отливались сразу по несколько штук и поступали под штамп с грубо обрубленными литниками. Здесь имена должностных лиц даются в виде двух или трех начальных букв³. Признавая все эти наблюдения А. Н. Зографа несомненно правильными, не можем, однако, согласиться с предлагаемым им хронологическим приурочением отдельных серий.

Прежде чем перейти непосредственно к датировке «борисфенов», необходимо отметить, что они, как правильно заметил А. Л. Бертье-Делагард, представляют собой беспримерную по продолжительности выпуска серию⁴. В самом деле, наличие 87 различных дифферентов на монетах, отличающихся друг от друга в отношении стиля и веса, заставляет полагать, что монеты эти выпускались по крайней мере в течение века⁵. Если считать что магистраты, ставившие свои имена на монетах, сменялись строго ежегодно, и что сохранились монеты со всеми разновидностями сокращений, то период выпуска монет не может быть менее 87 лет. Между тем, по А. Н. Зографу продолжительность чекана этих монет равна всего 60—65 годам; в этом случае приходится допустить, что должностные лица, оставившие свои монограммы на монетах, сменялись по несколько раз в течение одного года.

«Борисфены» привлекают внимание также и необычностью своих типов. Изображения речных божеств не являются, правда, особенно редкими в греческой нумизматике⁶, но в этой серии Борисфен представлен с резкими чертами скифского этнического типа, разумеется, в том условном выражении, какое находим вообще на произведениях

¹ «Musei Theupoli antiqua nomismata etc.», Venetiis, 1736, стр. 1285. К Ольвии впервые отнес их И. Р е л л е р и н, Recueil de médailles, Т. I, Р., 1763, стр. 204, тбл. XXXVI, 16.

² Б. В. Кене, Музей кн. В. В. Коцубея, т. I, СПб., 1857, стр. 42—43; П. О. Бурачков, Общий каталог монет, Одесса, 1884, стр. 43—45.

³ А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 130—131, тбл. XXXII, 14—22; ср. он же, Монеты из раскопок в Ольвии 1935—1936 гг., «Ольвия», т. I, Киев, 1940.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард, ИС, I, 1911, стр. 91.

⁵ Бертье-Делагард, там же; ср. Кене, стр. 44.

⁶ Ср. F. Imhoof-Blumer, Fluss-und Meergötter auf griechischen und römischen Münzen, «Revue Suisse de Numismatique», т. XXIII, 1924, стр. 173 слл.

греческого искусства¹. Бурачков даже усматривал поэтому в изображении не греческого, а скифского Посейдона, т. е., надо полагать, упоминаемого Геродотом (IV, 59) Фагимасада². Не видя для этого никаких оснований, обращаем в тексте Геродота внимание на другие детали: живущие вблизи Ольвии скифы-земледельцы именуются борисфенитами (IV, 18), а «первому муж» Таргитай, родоначальник скифов в том варианте легенды, который можно считать свободным от греческих представлений³, рожден дочерью бога реки Борисфена (IV, 5). Именно поэтому возможно называть эти монеты «борисфенами», видя в рогатой голове образ грозного божества великой реки, трактованной с подчеркнутым «скифизмом».

Чрезвычайно показательны и изображения на оборотах изучаемой серии: горит и секира. Роль лука в вооружении скифов настолько общизвестна, что на ней не приходится останавливаться. Секира встречается реже, но зато в числе золотых регалий, упавших с неба согласно тому же местному варианту этногонической легенды, она является единственным предметом вооружения и символом весенней власти у скифов, подобно тому как упоминаемая с нею чаша — символом власти сакральной. Таким образом, не только по продолжительности этого выпуска монет, но и по изображениям на них данная серия представляет нечто особенное в сравнении с прочими ольвийскими монетами IV—III вв. Как известно, чисто греческий характер имеющихся на них изображений не вызывает сомнений⁴.

При приурочении этих монет к определенному времени не приходится соглашаться с Бурачковым, который утверждал, что они «были производимы во все времена существования Ольвии» (стр. 44). П. Гарднер отнес их к доалександровской эпохе, А. Н. Зограф — примерно к промежутку времени между 290—225 гг., в последнее время В. Д. Блаватский — ко II в. до н. э. Нам представляется, что начало выпуска этой серии правильно датировал А. Л. Бертье-Делагард, относивший ее ко второй половине IV в.⁵. В своем определении, которое Зограф склонен считать ориентировочным, он исходит из сравнения этой серии с монетами Акарнании и Эпира. Между тем, в надписи ОЛВИО на наиболее ранних и аккуратно выполненных сериях все буквы обычно одного размера, и только на немногих вариантах подмечается характерное уменьшение омикрона⁶. Средние и, наконец, самые последние и небрежные серии придерживаются второго, более позднего написания, с уменьшенным омикроном, которое на ольвийских эпиграфических документах побеждает еще задолго до конца IV в.⁷. На серебряных статерах Ольвии эта смена датируется вполне определенно — 30-ми годами

¹ Ср. Дж. Гирст, Ольвийские культуры, ИАК, вып. 27, 1908, стр. 141—142. Труд Гарднера в TRSL, XI, на который ссылается автор, остался нам недоступным. Ср. А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 100.

² П. О. Бурачков, стр. 25; С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 36—37.

³ Жебелев, ук. соч., стр. 331—333; R. Aly, Volksmärchen, Sage und Legende bei Herodot, Göttingen, 1921, стр. 113—120.

⁴ Гирст, ук. соч., ИАК, 27, стр. 143—144.

⁵ Бертье-Делагард, НС, I, стр. 91; ср. «Catalogue of the British Museum, Thrace», L., 1877, стр. 11; Зограф, стр. 131; В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 18.

⁶ Напр., Зограф, тбл. XXXII, 15 и 16; Риск, тбл. IX, 27 и 26; А. С. Уваров, Исследования о древностях Южной России, вып. 1, СПб., 1851, Атлас, тбл. XXII, 15, 17, 18.

⁷ Напр., Зограф, тбл. XXXII, 16—21 и 22; «Danish National Museum, The Royal Collection of Coins, Thrace», Copenhagen, 1942, тбл. II, 85, 89—91 и 86—87, 93—94; Уваров, тбл. XXII, 12—14, 19 и 16; Бурачков, тбл. IX, 216—219 и 221—223. Ср. IOSPE I², 20, 163, 164, 210, 211, 216 и 25, 165, 180, 188, 195; переходным характером букв отличаются 24 и 166.

IV в.¹. Вряд ли можно считать поэтому, что подобный переход и в написании на «борисфенах» относится ко второму десятилетию III в. до н. э.

Сравнение «борисфенов» с ольвийским серебром IV—III вв. важно и в другом отношении. В специальной работе нами показано, что серебряные монеты Ольвии, приходящиеся на промежуток между 360—240 гг., делятся на ряд групп, причем до 30-х годов IV в. совместно со статерами выпускались литые монеты такого же типа, что и статеры (Зограф, тбл. XXXI, 4). Признавая правильным, что «борисфены» пришли на смену этим «ассам» в результате редукции последних², можно наметить время этого перехода около 330 г. до н. э. На серебряных монетах и золоте этого времени находим монограмму Σ , а несколько позже—обозначения Е, Θ , $\Gamma\Sigma$ и Σ , правильно сменяющиеся в пределах последней четверти IV в.³. Отмеченная А. Н. Зографом трактовка на ранних «борисфенах» волос широкими плоскими прядями, прорезанными глубокими бороздами, и даже фактура кружка с плоскимaversом и слегка вдавленным реверсом дает нам основание сблизить «борисфены» со статерами 30-х годов IV в., и даже с более поздними, относящимися к первому десятилетию III в.⁴. В этом случае не будет случайностью совпадение ряда сокращений имен на статерах и в самых ранних сериях «борисфенов». Это тем более вероятно, что обозначения, встречающиеся на крайне редких серебряных монетах, редки и на «борисфенах», а монограмма Σ , известная на 15 статерах, часто попадается и на «борисфенах»⁵. Но в таком случае чекан «борисфенов» продолжался в течение всей последней четверти IV в. Впрочем, сам Зограф фактически представил соображения в пользу такой датировки, сравнивая их с пантикопейскими статерами V группы, которые относятся к концу IV в. (стр. 131, ср. стр. 173). Со своей стороны можем добавить, что наибольшую близость к ранним «борисфенам» обнаруживают не сами статеры, а одновременные им выпуски пантикопейской меди (Зограф, тбл. XL, 30).

Таким образом, если начальная дата «борисфенов» передвигается на время около 330—325 гг., то в хронологии наиболее деградированных их выпусков можно в общем согласиться с А. Н. Зографом: продолжительность обращения этих монет будет тогда около сотни лет. Весьма характерно при этом, что и для средних групп можно найти точки соприкосновения с ольвийским серебром первой половины III в. На драхмах этого времени встречаем в числе других сокращения ΔHMN , HP , MON, X , ПОЛУ, ФИЛ затем на более поздних — АНН, ЕYP, а на «борисфенах» соответственно ΔH , HP , МО, ПО, X , ФИ, АӨ, ЕҮ⁶. Вероятность того, что выпуск этих монет связан с

¹ Ср. надписи на статерах подгруппы С (Зограф, тбл. XXXII, 2) и F M i n n s, pl. III, 2); П. О. Ка ри шко вский, О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. «КСИИМК», вып. 66, 1956, стр. 71.

² Б е р т ё - Д е л а г а р д, НС, I, стр. 92—93; Зограф, стр. 132—133.

³ Подгруппы D (тип.: Р и c k, тбл. IX, 1), E (неизданные монеты из находок 1946 г.) и F (тип. M i n n s, тбл. III, 2; ср. П. Й. Ка ри шко вский, З історії Ольвії в IV ст. до н. е., «Праці ОДУ», т. 146, серія іст. наук, вып. 5, 1956, стр. 170—174).

⁴ Подгруппа G, Зограф, тбл. XXXII, 3 (статер) и 7 (драхма).

⁵ Ср. 1) Р и c k, тбл. IX, 1 (статер) и N. M u r z a k e w i c z, Descriptio musei publici Odessani, т. I, 1841, стр. 16, № 107 («борисфен»). 2) Статеры с обозначениями Θ и $\Gamma\Sigma$ П. Й. Ка ри шко вский ук. соч., «Археология», т. XI, 1957, тбл. II, 3—4; «борисфен» с первым сокращением — Зограф, тбл. XXXII, 15, со вторым нам неизвестен, но встречаются экземпляры с буквами ПЕ — «Каталог коллекции древностей, А. Н. Поль», вып. 1, Киев, 1893, с. 173, №№ 57—58. 3) M i n n s, тбл. III, 2 (статер) и Num. Chron., X, 1930, тбл. XIX, 5 или Р и c k, IX, 27 («борисфены»).

⁶ Подгруппа H, Num. Chron., XVII, 1937, тбл. VII, 4; Б у р а ч к о в, тбл. IV, 46, 48. Подгруппа J, тип Num. Chron., XVII, 1937, тбл. VII, 9—10. Большинство «борисфенов» с такими сокращениями было известно уже Бларамбергу.

одними и теми же магистратами, следовательно, не настолько мала, чтобы пренебречь ею. Если добавить, что последние серии драхм подвергались сплошной надчеканке (голова вправо), а на последних сериях «борисфенов» также встречаем по одному или по два клейма, хронологическое соответствие этих серий становится несомненным¹. Поэтому можно считать, что ранние группы приходятся на последнюю четверть IV в., наиболее обильные средние — на первую половину III в., последние — на времена между 250—230 гг.

Принимая намеченную хронологию «борисфенов», нельзя не вспомнить, что в 331 г. Ольвия подвергалась нашествию Зопириона. Город выдержал осаду, но с помощью чрезвычайных мер. По свидетельству Макробия, граждане освободили рабов, даровали гражданские права иноземцам и отменили долговые обязательства². Но, даже признавая огромное значение этих преобразований, следует подчеркнуть, что сохранением независимости город был, несомненно, обязан борьбе если не юридических, то фактических своих союзников — местных племен, против которых и направлялся собственно поход. По Юстину Зопирион выступил против скифов, и эпитоматор не устает повторять, что именно последние уничтожили его войско³. При таких условиях ярко выраженный скифский облик интересующих нас монет получает свое естественное объяснение. С другой стороны, именно в условиях отмены долгов естественнее всего искать и причины, побудившие ольвиополитов отказаться от традиционной тяжелой литой монеты и заменить ее «борисфенами», имевшими лишь условную ценность. Не случайным является тогда и сходство монограмм на золоте и на самых ранних «борисфенах». Новые, непривычные для населения медные монеты, будучи вдесятеро легче предшествовавшего им литья, могли получить прочный курс в том случае, если они находились в определенном узаконенном отношении к полноценной монете, и прежде всего не к серебру, тесно связанному в прошлом с литой медью (IOSPE, I², 24) и разделявшему практически колебания курса последней, а к золоту. Из декрета же в честь Протогена становится известным, каково было это соотношение, фактически в ту пору уже не соблюдавшееся⁴. Сравнение последних измельчавших выпусков «борисфенов», близких по времени к декрету, с их предшественниками конца IV в. как раз и убеждает в этом.

В заключение заметим, что в последнем десятилетии III в. в Ольвии был возобновлен чекан серебра, а вместе с тем появились и крупные монеты с головою Геракла и оружием на обороте (с именами ΣΑΤΥ или ΠΕΕ). Эти монеты, которые следует строго отличать от поздних монет с теми же типами (надписью ЕΙΡΙΒΑ)⁵, мы склонны рассматривать как прямое продолжение выпуска «борисфенов», с таким же принудительным курсом. Если это так, то характерно, что «скифизм» здесь совершенно отсутствует: секира замещена палицей Геракла, лук также может рассматриваться как оружие последнего. Невольно вспоминается, что и в греческом варианте этногонической легенды у Геродота (IV, 8—10) происхождение скифов от дочери Борисфена заменено рождением от дорийского героя.

¹ Num. Chron., XVII, 1937, тбл. VII, 8—10 (драхмы); клейма на «борисфенах» — дельфин (безразлично на аверсе или на реверсе), к которому иногда добавляется (всегда на противоположной стороне) восьмилучевая звезда.

² М а с г о б ., Sat., I, 11, 33; Ж е б е л е в , ук. соч., стр. 41—47; В. В. Л а т ы - ш е в , Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб., 1887, стр. 61—66.

³ J u s t ., II, 3, 4; XII, 2, 16; XXVII, 3, 1. По тенденциозной версии Квинта Курция, войско Зопириона, направлявшееся якобы против гетов, было уничтожено неподалеку, C u r t ., X, 1, 43.

⁴ IOSPE, I², 32, А—71, В—43; ср. комментарий Зографа, стр. 132. Дата декрета по SIG³ — около 229 г. Подробности в указанной нашей статье в ПрОДУ, т. 146, 1956.

⁵ Ср. Р и с к тбл. X, 24 и 20; Б у р а ч к о в , тбл. IV, 32—34; 42—43.

3. К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III века до н. э.

История денежного кризиса на Боспоре в начале III в. до н. э., отмеченная в общих чертах А. Н. Зографом¹ и подробно разработанная в последние годы в трудах Д. Б. Шелова², может в настоящее время считаться достаточно известной. Важнейшим источником для изучения этого кризиса являются нумизматические памятники и, в частности, весьма плодотворным оказывается исследование последовательности наложения клейм на медных монетах Пантикалея начала III в. до н. э. Речь идет в первую очередь о хорошо известных пантикальских монетах, представляющих, по предположению А. Н. Зографа, номинал в четверть обола и несущих на лицевой стороне изображение безбородого сатира влево, а на оборотной — профильные изображения львиной головы и осетра, обращенные также влево и окруженные начальными буквами имени города³. Согласно заключениям А. Н. Зографа и Д. Б. Шелова, монеты этого типа были сначала надчеканены на лицевой стороне изображением двенадцатилучевой звезды, а на оборотной — лука в горите, а затем перечеканены (по большей части таким образом, что новый аверс приходится на прежнем⁴) тем же типом лицевой стороны и изображениями лука и стрелы с легендой ПАН на оборотной. Затем следует быстрая деградация монет с новыми типами, сопровождающаяся резким и быстрым падением их веса (от 7,5—8 г до 2 и даже 1,5 г)⁵.

Нет никаких сомнений, что такая последовательность этапов денежного кризиса на Боспоре установлена правильно: столь же справедливо, что сплошной перечеканке указанных монет с клеймами новых типов предшествует (или сопутствует) появление нового типа реверса (лук и стрела) при том же аверсе⁶. К этому можно было бы лишь добавить, что наложение клейм (двенадцатилучевая звезда — горит) производилось, как в этом убеждает ознакомление с достаточно большим количеством экземпляров, всегда одновременно и, по-видимому, сопряженными штемпелями⁷. Однако картина массового клеймения и перечеканки медных монет Пантикалея в первых десятилетиях III в. до н. э. оказывается при ближайшем рассмотрении все же несколько более сложной, чем это изображалось в литературе. Об этом наглядно свидетельствуют две публикуемые ниже монеты, входящие в изучаемую серию.

1. Л. Голова безбородого сатира в венке из плюща влево, почти совершенно перекрытая двумя круглыми глубоко вдавленными клеймами: в одном двенадцатилучевая звезда, в другом (частично перекрывающем первое) венок. Об. Лук, стрела и буквы ПАН, надчеканенные на изображении львиной головы и осетра (почти совершенно незаметных), сверх которого наложено клеймо с изображением лука в горите. Медь. 20—21 мм. Вес 5,58 г (см. рис. на стр. 146, 1).

¹ А. Н. Зограф, Мирмекийский клад монет III в. до н. э., МИА, № 4, 1941, стр. 152—156; он же, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг., там же, стр. 159 слл.; он же, Античные монеты, 177—180.

² Д. Б. Шелов, Пантикальские монеты третьей четверти III в. до н. э. с надчеканками, КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 138—140; он же, Денежная реформа Левкона II, ВДИ, 1953, № 1, стр. 30—39; он же, Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э., МИА, № 33, 1954, стр. 58—70; он же, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 108—150.

³ Зограф, тбл. XLII; ср. Бурачков, ук. соч., тбл. XX, 70—71.

⁴ Бурачков, ук. соч., тбл. XIX, 57; тбл. XX, 72.

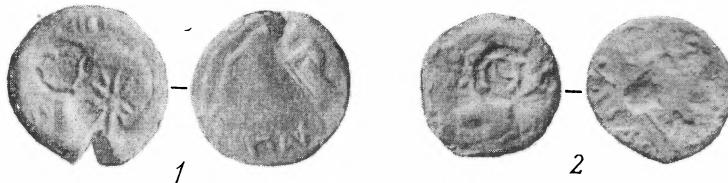
⁵ Зограф, МИА, № 16, стр. 178; Шелов, МИА, № 33, стр. 58—60 и схема на стр. 61; ср. Бурачков, ук. соч., тбл. XX, 73—80 и 94—95.

⁶ Шелов, МИА, № 33, стр. 59.

⁷ Случай не вполне точного совпадения клейм легко объясняется расщеплением соединяющего штемпеля шарнира при ударах.

2. Л. Обычная голова сатира, в клейме венок, как на предшествующем экземпляре. Об. Лук, стрела и буквы ПАН, никаких следов прежних типов или клейма незаметно (монета испорчена раковинами). Медь. 18—19 мм. Вес 4,78 г (рис. 2).

Описанные в предыдущих строках монеты позволяют несколько дополнить нарисованную А. Н. Зографом и Д. Б. Шеловым схему клеймения и перечеканки панти-капейских медных монет начала III в. до н. э. Они подтверждают, с одной стороны, правильность исправления Д. Б. Шеловым схемы А. Н. Зографа в том отношении, что перечеканка уже заклейменных к тому времени монет с изображением львиной головы и осетра на реверсе происходила тогда, когда в обращении уже находились монеты

с луком и стрелой на обороте¹. Следовательно, здесь перед нами факт одновременного наложения нового клейма с изображением венка, охватывающий как перечеканку монет старого типа, так и монеты нового типа.

С другой стороны, публикуемые памятники показывают, что резкому ухудшению фактуры и стиля и катастрофическому падению веса монет с типом лука и стрелы предшествовала еще одна попытка удержать их курс путем наложения на них (а задно и на невыплющие, очевидно, к тому времени из обращения перечеканки клеймленых монет с типом львиной головы и осетра²) новых клейм с изображением венка. Попытка эта была недолговременной — об этом достаточно красноречиво свидетельствует редкость находок монет с публикуемым впервые новым клеймом и, надо полагать, столь же безуспешной, как и предшествующие. Во всяком случае, самый факт подобной попытки позволяет судить, насколько острый был денежный кризис на Боспоре в первой четверти III в. до н. э. и как лихорадочно были безрезультатные финансовые мероприятия боспорского правительства, стремившегося преодолеть или хотя бы ослабить растущие хозяйствственные затруднения непрерывным клеймением, перечеканкой и новым клеймением безостановочно падающей в цене медной монеты.

П. О. Карышковский

ОКСИРИНХСКАЯ ДИДАСКАЛИЯ К ТЕТРАЛОГИИ ЭСХИЛА О ДАНАИДАХ

(*Ox. Pap. 2256, Jr. 3*)

Лишь немногие из произведений великих аттических трагиков V в. до н. э. поддаются точной датировке. Датируется при этом не самое написание трагедии, а время ее постановки на официальных спектакльных состязаниях. Однако мы имеем все основания считать, что, как правило, время написания трагедии не могло далеко отстоять от времени ее спектакльного воплощения перед афинскими зрителями. Аттические

¹ Ш е л о в, МИА, № 33, стр. 59; ср. З о г р а ф, МИА, № 16, стр. 178.

² Об одновременном их обращении свидетельствуют и археологические находки; см. В. В. Ш к о р п и л, Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г., ИАК, вып. 47, 1913, стр. 49—50.